
ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВ И ЦИВИЛИЗАЦИЙ

И. И. БАРИНОВ

УКРАИНСКАЯ ДОКТРИНА В ПОЛИТИКЕ АВСТРО-ВЕНГРИИ И ГЕНЕЗИС УКРАИНСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Статья посвящена изучению формирования взаимоотношений австрийского правительства и украинского национального движения в рамках монархии Габсбургов, а также исследованию различных векторов развития украинского национализма и их использования центральной властью в Вене, в том числе и против России. В статье описывается ряд особенностей украинского национализма, возникших еще в австрийские времена и до сих пор довлеющих над русско-украинскими отношениями.

Ключевые слова: Австро-Венгрия, Украина, формирование украинской нации, украинский национализм.

*Австрийский император Франц I –
французскому послу.*

Мои народы чужды друг другу,
и это хорошо... Никто не понимает
соседа, и в итоге все ненавидят друг
друга. Из этой ненависти рождаются
порядок и всеобщий мир (Травин,
Маргания 2004: 599).

История Австро-Венгерской империи, распавшейся после Первой мировой войны, исследована далеко не достаточно. Особенно это относится к внутренней политике, проводившейся сначала Австрийской, а затем Австро-Венгерской империей, и к взаимоотношениям между ее многочисленными и совершенно различными по своей культуре народами. А между тем история данной политики

История и современность, № 1, март 2012 70–89

и этих взаимоотношений весьма интересна и поучительна. Более того, она приобретает дополнительную актуальность в свете тех проблем, с которыми сталкиваются в начале XXI в. Европейский союз, Украина и Россия. В известном смысле можно сказать, что Австрийская империя была своеобразным предшественником и прообразом Европейского союза (напомним в этой связи, что в Австрийской империи, как и в современном Европейском союзе, руководящим и интегрирующим элементом были немцы). В Австрийской империи в эпоху ее расцвета проживали немцы, венгры, итальянцы, поляки, чехи, словаки, украинцы и другие народы. Подобно тому, как камнем преткновения в отношениях между Австрией и Россией в конце XIX – начале XX в. стали украинский вопрос и проблема доминирования на Балканах, так и в современную эпоху противоречия между Европейским союзом и Россией ярко проявились в различном отношении к распаду (или расчленению) Югославии в 1990-е гг., к операции НАТО в Югославии в 1999 г., к отделению Косово от Сербии, а также к «оранжевой» революции в Украине в 2004 г. и к стремлению целого ряда стран ЕС присоединить Украину к НАТО. Несмотря на очевидные и довольно многочисленные различия между этими историческими ситуациями, между политикой Австрии в начале XX в. и Европейского союза в начале XXI в. в отношении украинцев, их сопоставление, как представляется, позволяет проследить определенную преемственность политики центральноевропейских держав в отношении Украины и России, а также понять генезис украинского национализма. Настоящая статья посвящена исследованию политики Австрии в отношении украинского населения и идеологии украинского национализма с учетом того, что эта политика во многом диктовалась сложными отношениями между Австрией и Россией.

Начало XX в. в Европе ознаменовалось резким усилением внимания к украинскому вопросу. Идеи и концепции украинского движения, восходящие к революционным событиям 1848 г., а от них – к польской шляхетской идеологии сарматизма, стали реакцией на многовековое подчиненное положение украинского населения по отношению к представителям власти из числа местных элит. Вместе с тем со временем украинские требования по недопущению русского и польского влияния в Галиции переросли в отдельную идеологию, ставившую своей целью создание независимого госу-

дарства украинцев. Видоизменявшееся на протяжении нескольких десятилетий самосознание галицийских украинцев привело к деформации ментальности целых этнических групп и появлению уже не первого поколения людей, для которых то, что мы сейчас именуем украинским национализмом, было не политической платформой, а психологией. При этом главной проблемой украинского движения оставалось отсутствие идеологической однородности его доктрины, что заставило его приверженцев обратиться к мифотворчеству, выдающимся событиям национальной истории и идеям нерушимости национального государства.

По выражению британского исследователя Бенедикта Андерсона, «волшебство национализма» заключалось именно в том, «чтобы превратить шанс в предназначение» (Anderson 1983: 19). Именно такой шанс дало украинским шовинистам австрийское правительство, поддержавшее их этнополитические устремления. Тем самым Вена, в свою очередь, рассчитывала решить сразу две проблемы: ослабить роль России как славянского арбитра Европы и не допустить ее влияния на славянских подданных Австрии, а также создать противовес полякам на востоке империи. России, считавшейся «естественным и неизбежным противником Австрии», которым «овладел демон неумного стремления разрастись на запад и юго-запад и расширить влияние за своими границами» (Schuselka 1849: 22), со временем стало вменяться в вину сознательное замалчивание бывшей автономии Украины и всяческие попытки стереть межнациональные различия русских и украинцев (Ruthenische... 1904: 561–562). Поляки же, как пишет британский историк Алан Тэйлор, считали себя равными венграм, второй конституирующей нации империи, и явно тяготели к ним (Taylor 1942: 126). Для уравнивания этой ситуации центральная власть в Вене планировала оказывать всемерную поддержку украинскому движению.

Тем не менее со временем акцент противодействия полностью сместился в сторону России. Русины и русские стали обозначаться как представители двух диаметрально противоположных рас: первые относились к истинным наследникам славянских племен, вторые – к потомкам непонятого племенного конгломерата, включавшего в себя финно-угров, прибалтов и монголов (Subtelny 1988: 52–53). Галиция в этой связи именовалась «заслоном от угрожаю-

щих нашей западноевропейской культуре нецивилизованных восточных народов» (Kessler 1916: 39). Излюбленным приемом официальной австрийской пропаганды стало противопоставление Европы и России как наследниц разных частей Римской империи: России – деспотичной Византии, Европы – благородного Рима (Schmidt 1914: 5–6). К Европе в данном случае относили и Украину, которая «была слишком прочно привязана к западноевропейской культуре, чтобы с легким сердцем подчиниться насилию азиатского деспота» (Puluj 1915: 11).

Конструирование нации и национализма

Если взглянуть в глубь истории, становится ясно, что когда-то Киев и Новгород, Чернигов и Ростов, Овруч и Муром были городами одной Киевской Руси. Название «Украина», получившее государственную привязку только в начале XX в., фигурировало как традиционное обозначение окраинных или пограничных русских земель: на это указывает в том числе автор одного из первых трудов по истории Украины Иоганн Христиан Энгель, на которого так любят ссылаться украинские националисты (Engel 1796: 19). Населением этих земель были так называемые «украинные люди», зачастую по тем или иным причинам бежавшие в южные степи. Понятно этот термин близок австрийскому «граничар» (житель военной границы на Балканах до XIX в). Тем не менее в националистически ангажированной литературе высказываются другие точки зрения. Так, Сергей Шелухин, бывший русский судебский чиновник, в годы Первой мировой войны писавший антигерманские пропагандистские публикации (Шелухин 1914), а в 1920–1930-е гг. ставший профессором Украинского свободного университета, с одной стороны, подчеркивал, что название «Украина» имеет территориальную привязку, тогда как Русь – слово неясного происхождения (Шелухин 1921: 3), а с другой – утверждал, что слова «окраина» и «украина» – это разные понятия (Там же: 7), а название «Малороссия» отсутствует на географических картах (Там же: 29). При этом, хотя языковые различия между жителями Киева и Москвы по мере вхождения нынешней Украины сначала в орбиту Великого княжества Литовского, а впоследствии и Речи Посполитой становились все более заметными (по мнению профессора Яворского,

они сформировались уже к концу XII в.) (Яворський 1929: 27), предки украинцев как на Востоке, так и на Западе еще в XVI в. именовали себя «народом руським». Как указывает в «Краткой истории малороссийского народа» Иван Маркевич, потомков славянских племен объединяли «не политическая жизнь, а одна вера, один церковный и книжный язык» и то, что «все они звались рускими» (Маркевич 1875: 2). Также нужно отметить, что в современном виде украинский язык сложился лишь в первой половине XIX в., когда язык книжности польско-литовских времен был окончательно вытеснен народными говорами, прежде всего приднепровскими (Wilson 1997: 30).

Гораздо противоречивее была этно-территориальная ситуация в отдельных землях, ныне входящих в состав Украины. Через сто с лишним лет после распада Киевской Руси, в 1254 г., князь Даниил Галицкий заключил союз с папой римским Иннокентием IV в обмен на помощь в войне с Золотой Ордой (Subtelny 1988: 62). Разбив отдельные отряды татаро-монгольских войск в нескольких сражениях, Даниил укрепил свои позиции, но с переходом в лоно римско-католической церкви медлил. В ответ на это Ватикан позволил Литве проявлять агрессию в отношении Галицкого княжества (Magosci 2002: 6). В 1339 г. оно было захвачено королем Польши Казимиром III Великим, а после первого раздела Речи Посполитой между Россией, Пруссией и Австрией в 1772 г. Галичина вошла в состав последней. Ее жители и до той поры, и после именовали себя русинами (по-немецки Ruthenen). Как отмечает американский специалист по истории Украины Пол Магочи, эпоха австрийского Просвещения времен императора Иосифа II (правил в 1765–1790 гг.) имела для русинов во многом положительное значение. В это время начала формироваться галицко-украинская интеллигенция, которая начала «заново открывать свое прошлое» (*Ibid.*: 15, 47), что впоследствии ставилось пропагандой в заслугу австрийскому правительству при противопоставлении мнимого угнетения украинцев в России (Ostwald 1916: 33). Однако все попытки интеллигенции приобщить к культурным достижениям широкие слои населения остались тщетными из-за элементарной неграмотности и нужды галицийского крестьянства.

Начиная с середины XIX в. в научном и политическом лексиконе прочно закрепился термин «национализм», который стал одновременно предметом социального дискурса и научного осмысления. Революция 1848 г., затронувшая все без исключения регионы Европейского континента, достигла и русинских земель Австрийской империи. Галицко-русская интеллигенция не осталась в стороне от общего, пронизанного утопизмом и романтизмом не меньше, чем национализмом, духа эпохи. Самым ярким выражением подъема галицийского национального самосознания стало создание Головной русской рады во Львове. В «Меморандуме русинской нации», выпущенном осенью того же года, подчеркивалось, что, несмотря на четыре века польского владычества, русины «не потеряли свою идентичность и не германизировались, находясь в составе Австрии» (*Denkschrift...* 1848: 2). Там же имперское правительство в Вене упрекалось в том, что Галиции не была дана обещанная гарантия национального самоопределения, а в школах не был введен русинский язык (*Ibid.*: 4). Русины тем не менее остались лояльны австрийскому правительству, которое в свою очередь поддержало их, чтобы, как пишет Ваулз, создать противовес полякам, гегемону восточной окраины Австрии (Vowles 1939: 142). Во Львовском университете были даже организованы русинские кафедры филологии и богословия (Schmidt 1939: 177). С этим расположением властей русинские просветители связывали национальный подъем края – именно в это время, по их словам, «взошло утреннее солнце духовного и литературного развития» (*Die ruthenische...* 1861: I).

Одновременно с этим в галицийском обществе началось распространение «русофильских» тенденций, согласно которым русины являлись частью единого русского народа. Во избежание сепаратизма и усиления польского и венгерского элемента империи австрийские власти позволили русинам создать местное самоуправление, однако вероятность образования общего русинского государства из русских и австрийских провинций, которая, по мнению будущего наместника Галиции графа Голуховского, несла опасность существованию Габсбургской монархии (Lozynsky 1915: 38–39), заставила Вену сохранить в Галиции влияние польских политических элит и ограничить там русофильскую мысль. Русины стали официально называться «рутенами» («Ruthenen», в венгерском вари-

анте «orosz» [«орос»], в противоположность русским [Russen] – населению собственно России) (Ambrozy 1916: 10).

В 1860-х гг. галицийское национальное движение распалось на «старорусинов», или «москвофилов» (тяготевших политически к Российской империи, а этнически и лингвистически – к русскому народу), и «народовцев», или «украинофилов» (стремившихся к собственной политической индивидуальности – «украинству»). «Старорусская партия», как считал виднейший украинский историк своего времени Михаил Грушевский, оставалась под впечатлением 1848 г., когда галичане воочию увидели «державное могущество, безграничную политическую мощь» России и мечтали о похожей всесильности (Грушевский 2001: 506–507). По мнению польских авторов, в дальнейшем эта идея была воспринята и украинофилами, которые видели в России будущую опору в борьбе за свои интересы, однако в силу того, что последняя не спешила с поддержкой галицийского движения, заняли резко антирусские позиции (Ukrainische Phantasien 1918: 4). Австрийское правительство воспользовалось этим и начало во всем поддерживать украинофилов, поощряя повсеместное распространение терминов «Украина» и «украинский» и подмену ими терминов «Русь» и «русский» (Magosi 2002: 17, 129, 147). Стоит особо подчеркнуть, что термин «украинство» первоначально обозначал политическую принадлежность и не нес этнической нагрузки.

В Галиции стала появляться (а вернее сказать, насаждаться) украинофильская литература на разительно отличавшихся от западного говора киевской и харьковской версиях «малороссийского» языка. Постепенно в обиход вошли идеи польского автора Франтишека Духиньского, согласно которым русские вообще не являются славянами, а напротив, представляют собой потомков азиатских кочевников, говорящих на испорченном церковнославянском языке (Щёголев 1912: 33). Доходило до комичных случаев: патриотично настроенные украинские юноши щеголяли якобы в одежде казаков, которая на самом деле «была ливреей панских лакеев (гайдуков и казачков)» (Там же: 85). Русофилы же подвергались репрессиям (наиболее распространено было заключение в тюрьмы или высылка из страны), их общества, школы и типографии закры-

вали, был прекращен выпуск журналов и учебников на русинском языке. В Россию вынуждены были перебраться такие известные представители галицийской интеллигенции, как Яков Головацкий, Адольф Добрянский (дед по матери художника И. Э. Грабаря), Иван Наумович. Кульминацией националистических опытов стало 25 ноября 1890 г., когда на заседании австрийского парламента депутаты Романчук и Вахнянин публично озвучили этноним «украинец» и объявили, что все галичане являются украинцами и не имеют ничего общего с русскими (*Der Weltkrieg...* 1915: 36).

Необходимо отметить, что идеологическая составляющая украинской мысли имела достаточно сложный характер. С одной стороны, сами русины издревле именовали себя в единственном числе «ру́син», а во множественном числе – «русские» (с вариациями – «народ руський», «русский»). В рамках монархии Габсбургов – «государства национальностей» – для русинского населения продолжала сохраняться значительная угроза насильственной полонизации и мадьяризации, что стало дополнительным фактором шовинистической активности украинских националистов и породило мнимую боязнь полной ассимиляции. С этой фобией был напрямую связан тезис националистов о якобы неизвестности и экзотичности украинцев для всего остального мира. Так, еще в начале XX в. в издававшемся в Вене журнале «Русинское ревю» (впоследствии «Украинское обозрение») озвучивались мнения, что «30-миллионный украинский народ для Европы считается почти исчезнувшим» (*Ruthenische...* 1903: 3). Эта позиция была в определенной мере обоснована. Так, в США даже в 1918 г. материалы об Украине печатались в журнале *National Geographic* (*Ukraine...* 1919: 57–62).

С другой стороны, в условиях длительного подавления русинов польской шляхтой и магнатами образованные греко-католики стали относить себя к полякам, это привело к тому, что у русинов исчезли дворянство и буржуазия (Magosci 2002: 47). По этому поводу галицийские общественные деятели неоднократно заявляли, что «все устремления поляков были нацелены на полонизацию русин», что те, кто верен своей нации, необразован, а кто хочет образования, должен был присягать полякам (*Denkschrift...* 1848: 4). Новая украинская интеллигенция, ставшая провозвестником национали-

стических идей, не могла не видеть политики балансировки между различными народами и их взаимного сдерживания, которую проводила Австро-Венгрия в Галиции (Magocsi 2002: 17), и потому со временем она заняла следующую позицию: продолжая отстаивать свои национальные права перед польскими элитами и осуждать их самоуправство, украинофильская интеллигенция, последовательно отвергая принадлежность ко всему польскому, перешла к осуществлению на деле своих собственных политических и геополитических, во многом у поляков же перенятых, устремлений, пользуясь при этом гласным или негласным покровительством австрийского правительства, порой даже обвиняя его в том, что оно «нашло друзей в польской шляхте» (Ruthenische Revue 1903: 21) в ущерб политике по отношению к русинам. Как подчеркивает Магочи, русины не могли и далее оставаться в рамках политической традиции прошлого, им следовало «изобрести что-то новое» (Magocsi 2002: 40). В этой связи галицийские пропагандисты начали приписывать украинцам своего рода мессианскую роль среди остальных славянских народов: в прессе и публицистике неоднократно осуждалась «фальшивость польской знати», которая не идет ни в какое сравнение с «верностью и преданностью русинов своей нации, которая выдержала нашествие татарских и турецких орд» (Ukrainische Rundschau 1908: 9) и влилась в западноевропейскую культуру в отличие от колонизованной русинами «в позднейшее время территории, на которой проживают русские» (Jacobsohn 1916: 25). Таким образом, приверженцы украинской идеи, находясь под эгидой Австрии, решительно отмежевались как от польского, так и от русского элемента.

Что любопытно, в русской части Украины также стали появляться требования создания национального украинского государства, что изначально было нехарактерным явлением, поскольку лейтмотивом национального движения русских украинцев были скорее культурные, нежели государственно-политические требования. Главным фактором здесь стало оформление украинского языка (до этого разговорного) как литературного, право на его существование аргументировалось наличием произведений Ивана Котляревского и Тараса Шевченко. Со временем со стороны украинских националистов будут звучать заявления о том, что украинская лите-

ратура зародилась еще в IX в., а ярким ее примером может служить средневековое «Слово о полку Игореве» (Сехельский 1915: 7).

Вместе с тем усиление украинофильских тенденций не могло не вызвать ответную реакцию поляков, которые продолжали рассматривать русинов как своих холопов, а украинские земли – как плацдарм для экономической экспансии, внутреннюю колонию (Magocsi 2002: 7–8, 14), а также источник налогов и рекрутов (The Problem... 1920: 7). Как отмечалось в публикациях, выходивших в то время в России, главной причиной столь негативного отношения поляков к русинам, невольно подстегивавшего националистические тенденции, было поведение польской шляхты, «социальный эгоизм», приведший к исчезновению Польши с карты Европы, и ее попытки за счет украинских земель восполнить свои этнографические потери (Галичина... 1915: 102). Поляки высмеивали «тщеславное стремление» украинофилов к собственной исторической традиции, которое именовали «типичной детской болезнью почти всех молодых культур» (Ukrainische Phantasien 1918: 2), и подчеркивали, что вовлечение украинцев, «этого не отдающего себе отчета и ненадежного элемента, в серьезные политические проекты» являлось с политической точки зрения нонсенсом (*Ibid.*: 7). Украинцы в ответ приписывали полякам национальный эгоизм, ради которого они «предали дело славянства» (Shelukhyn 1919: 2), считая себя галицийскими культуртрегером и называя язык русинов «языком свинопасов» (Subtelny 1988: 219, 238–240). Украинофильская печать с возмущением приводила слова штатгальтера Галиции Корытовского о том, что «между украинцем и русофилом такая же разница, как между израильтянином и евреем – они оба евреи» (Polnische Russophilen... 1915: 10–11), что поляки использовали судебные процессы над русофилами для расправы со своими политическими противниками-украинцами, способствуя аресту русинов без разбора, и к тому же присвоили украинскую идею о Галиции как «защитном вале против России» (Там же: 11–12).

Наряду с этими утверждениями украинофилами активно дискутировался тезис о неславянской сущности русского народа, его чужеродности в теле восточнославянской общности. В массовых украинофильских изданиях прямым текстом говорилось о том, что русские – потомки смешанных браков украинских колонистов

с местным финно-угорским населением (Когут 1910: 9). Впоследствии в качестве пропагандистского довода высказывалось, например, ничем не обоснованное утверждение, что против России в Первую мировую войну воевало большее количество славянских наций, нежели за нее (Choma-Dowski 1916: 1–2) (в данном случае трудно развести сторонников и противников России, так как украинцы, поляки, чехи и словаки сражались и в российской, и в австрийской армиях). Все это представляло Россию не как континентальную империю, а как рядовую восточную деспотию, автократию «татарских ханов и византийцев» (Der Weltkrieg... 1915: 12), слабую в военно-политическом отношении и раздираемую внутренними противоречиями, в бессильной злобе стремящуюся уничтожить все зачатки культуры и интеллектуальной мысли не только на своих землях, но и на территории сопредельных государств. Образ получался малопривлекательный. Украине же, напротив, придавался образ сильной и могущественной земли с собственной политической культурой и длительным опытом государственности.

Оформление национально-политической доктрины

По мнению выдающегося британского специалиста по истории Восточной Европы Хью Ситон-Уотсона, украинские националисты пытались представить, что уже средневековое Киевское княжество было украинским национальным государством, а перенос центра тяжести из Киева в Москву после татарского нашествия стал «актом национального угнетения украинцев московитами» (Seton-Watson 1967: 330). Неприглядный образ России и русских, по мнению националистов, был обусловлен монгольским влиянием, тогда как украинцы якобы сохранили домонгольские этнические характеристики и культурные обычаи: существовавшие на территории Украины два мощных территориальных образования – «Киевская империя» и «Государство казаков» – в отличие от Московской Руси «избежали татаризации» (Ostwald 1916: 17) и якобы дали украинцам куда больший, чем русским, политический опыт – и монархический, и республиканский (Donzow 1915: 8). Обобществление русской и украинской истории рассматривалось как ошибочное, а присоединение украинских земель по Переяславской раде 1654 г. к Русскому царству – как вынужденное, так как силы украинцев бы-

ли исчерпаны в борьбе с поляками и татарами (Ostwald 1916: 12, 16), тогда как, по мнению британских экспертов, «чувство нации» было присуще украинцам с 1648 г. (начало восстания под руководством Богдана Хмельницкого), а до этого их связывала «общая история с великороссами и белорусами» (The Ukraine 1920: 53).

Не обходилось и без откровенных исторических передергиваний: так, матримониальные и дипломатические связи киевских князей с западноевропейскими монархами трактовались как принадлежность Украины и украинцев к западноевропейской культурно-политической ойкумене (Barwinskyj 1916: 8–12). В попытке противопоставить украинца русскому (и в меньшей степени – поляку) националистически настроенные исследователи использовали различные претендующие на научность гипотезы и доводы, подвергшиеся сильной идеологической обработке. Так, например, они указывали на имеющееся у украинцев врожденное «этнологическое чувство независимости» (Rudnickyj 1918: 154) в отличие от «покорившихся татарам москалей» (Цегельський 1916: 32), на экономическую неразвитость Московского государства, находившегося в отдалении от торговых путей, в то время как киевляне «вовсю торговали с Европой» (Там же: 24–25), на невежество и мракобесие русских (Там же: 43). Особо подчеркивался и тот сомнительный по своей сути факт, что русский и поляк не понимают украинца, что является, в свою очередь, отличительной особенностью самостоятельности украинского языка (Рудницький 1914: 68), при этом «подлинный язык Руси был искажен москалями» (Цегельський 1916: 28). Русскому и поляку в дальнейшем противопоставлялся идеализированный, романтический образ украинца – воина-крестьянина, при необходимости «менявшего плуг и вола на саблю и коня», человека с «бьющей через край жизненной силой и неутолимой волей к жизни» (Ukraine... 1938: 8).

При этом украинофилы не только отождествляли понятия «Украина» и «Русь», отказывая России в праве считаться правопреемницей русских средневековых княжеств (Der Weltkrieg... 1915: 9), но и чрезвычайно расширили этногеографические границы Украины, не в последнюю очередь с подачи европейских исследователей (Kohl 1841: 340–341). В конце XIX в. украинская восточная граница была обозначена германским философом Эдуардом Гартманом

в его идеях о создании независимой Украины (Donzow 1915: 6) как условная линия Витебск – Курск – Саратов – Астрахань, а в преддверии ожидаемой украинскими националистами войны «между европейской культурой и монгольско-азиатским варварством» (*Der Weltkrieg...* 1915: 61) украинский географ Степан Рудницкий опубликовал работу «Короткая география Украины», которая фактически явила собой расширенную декларацию существования украинского народа в том виде, в каком ее представляли себе украинские шовинисты. Так, Рудницкий заявлял, что исконно украинские земли ограничены тремя горными цепями – Карпатами, крымской Яйлой и Кавказом (Рудницкий 1914: 10, 15), а самим украинцам принадлежит значительная роль в колонизации Сибири и Туркестана (Там же: 106). Также у Рудницкого присутствует утверждение, что динамичное развитие Украины связано с более хорошим, нежели в России, климатом (Там же: 121). Помимо этого автор обращается еще к одной характеристике, призванной, как видно, окончательно и бесповоротно размежевать русских, украинцев и поляков. Речь идет о расовых характеристиках трех народов, причем в рассуждениях Рудницкого фигурируют достаточно дилетантские доводы о том, что раз у украинцев ноги длиннее, чем у русских, это свидетельствует о наличии у последних финско-монгольской примеси (Там же: 61). По поводу геополитических претензий украинских интеллектуалов националистического толка Щёголев иронично замечает, что «Украина, к удивлению ногайцев, прорубила окно к Каспию» (Щёголев 1912: 211), а найденные в украинских курганах останки в расовом отношении принадлежат русским (Там же: 507–508).

Вместе с тем стоит отметить, что позиция украинофилов не получила должных пропагандистских контраргументов со стороны русофилов и собственно России. Если в 60-х гг. XIX в. российские славянофилы высказывались достаточно однозначно (так, Ф. И. Тютчев в письме своему другу А. И. Георгиевскому в 1866 г. писал: «Отныне мы не можем, мы не должны смотреть на Австрию как на самостоятельную державу. Она теперь не что иное, и более нежели когда-либо, – отжившая историческая комбинация, лишенная всякого серьезного содержания. При ее доказанной несостоятельности опека над славянскими массами сделалась для нее невозмож-

ною...» [Тютчев 2005: 156–157]), единственной значительной отповедью украинским националистам в начале XX в. стала вышеупомянутая работа Щёголева, проведшего критический разбор украинофильских теорий и отмечавшего, что «науке и логике националисты противопоставляют стихийность украинства» (Щёголев 1912: 504–505). По словам Макса Ронге, начальника Разведывательного бюро австрийского Генштаба, Россия финансировала скорее контрпропаганду со стороны церковных и просветительских организаций в Галиции, нежели печать (Ронге 1939: 52). Уже после окончания Первой мировой войны один из лидеров русофилов депутат Дмитрий Марков в своем «Меморандуме о настроениях малороссов Австро-Венгерской империи» указывал, что «крестьяне Галиции всегда называли себя русскими», а Украина – это «географическая область, наделенная политическими реалиями Бисмарком и Гартманном» (АВПРИ. Ф. 257. Оп. 556. Д. 56. Л. 4), что, по сути, не было серьезным ответом русофилов массивному идеологическому натиску со стороны националистов.

Не стоит забывать и о значительных материальных вливаниях в информационную деятельность сторонников украинской идеи как со стороны Австро-Венгрии, так и со стороны не менее заинтересованной в подобной работе националистов Германии. В этой связи при Министерстве иностранных дел Германии был организован специальный информационно-аналитический отдел по проблемам Украины, а австрийские власти в Галиции занялись выявлением пророссийски настроенных представителей населения (ГАРФ. Ф. Р5325. Оп. 4с. Д. 30. Л. 2). Украинская пресса получала значительные денежные субсидии: так, венский журнал «Украинское обозрение» получил в 1907 г. 5400, а в 1909 г. – 12 000 германских марок (Кулінич 1963: 65), а черновицкая газета «Буковина» – 24 000 австрийских крон (ГАРФ. Ф. Р5325. Оп. 4с. Д. 30. Л. 6). Выпуск выходившего в Лозанне на французском языке еженедельника «Украина» финансировался депутатом и публицистом, лидером Украинского клуба в австрийском парламенте Евгеном Левицким, выдавшим редактору Владимиру Степанковскому 1000 австрийских крон одновременно и пообещавшим выдавать еще 600 крон каждый месяц (ГАРФ. Ф. Р5325. Оп. 4с. Д. 287. Л. 2). Уже в годы Первой мировой войны националистическую риторику перенял

«Союз освобождения Украины», финансирование которого потребовало в 1915–1917 гг., по некоторым данным, около 1 млн германских марок (Кулінич 1963: 67). Помимо пропаганды Австро-Венгрия субсидировала и более практические проекты, нацеленные, в частности, на идею создания Украинского королевства, где формой правления стала бы конституционная монархия с элементами демократии (Ostwald 1916: 37).

Тем не менее из-за идеологических метаний австрийского правительства сложилась неоднозначная ситуация. В ходе военных действий, когда наряду с пропагандой нужно уже было предпринимать конкретные политические шаги, Австрия, с одной стороны, продолжала поддерживать и польских легионеров Юзефа Пилсудского и Юзефа Галлера, и украинских сечевых стрельцов, в это же время в лагерях Фрайштадт и Дуна-Сердагель набиралась дивизия из русских военнопленных украинской национальности (так называемые «серожупанники»). С другой стороны, после объявления Польши самостоятельным государством Галиция осталась австрийской провинцией, что вызвало волну негодования как поляков, так и австрийских украинцев (Ронге 1939: 167) и еще больше настроило их и друг против друга, и против общего противника – России. Украинцы, как писал Ронге, «потеряли надежду освободиться из-под власти поляков. Следствием всего этого было глубокое недовольство и возбуждение в стране, тяжело пострадавшей от эвакуации русскими трудоспособного населения и от злоупотреблений галицийских властей» (Там же: 168). Эта ситуация повлияла и на другие украинские регионы: так, после занятия австрийскими войсками русской Волыни основная масса украинского населения отказалась признавать власть Австрии, а желающих присоединиться к центральным державам были единицы (Там же: 126–127).

Кроме того, призывы к образованию независимой украинской державы, исходившие от украинских националистов, подспудно, в силу сформировавшегося национального нарратива означали стремление как можно дальше дистанцироваться от якобы нецивилизованной и дикой России в пользу цивилизованной Европы. Подобный антагонизм в отношении России и русских отчасти являлся попыткой обосновать собственную идеологию на основе уже сконструированной в конце XIX в. националистической трактовки ис-

тории Украины путем создания неких психологических ориентиров и антитез. Так, на страницах периодических изданий Союза освобождения Украины то и дело появлялись призывы «разорвать сеть, которую грозит нам закинуть на голову могучий и хитрый москаль» (Росія... 1917: 83), а также всеми силами противостоять русской «азиатской деспотии» (Там же: 94). По словам украинских ораторов, живших в Германии, договор с Россией о совместном противодействии татарам стал для Украины фатальным, поскольку Москва впоследствии сама «науськивала на Украину татар» (Вістник... 1917: 117), а затем в угоду своим геополитическим интересам ликвидировала казачество на Украине (Там же: 118), которое прежде «удивило весь мир» своей демократической организацией (Shelukhyn 1919: 4). Тех украинцев, кто продолжал называть себя «малороссами», украинские публицисты впоследствии именовали «обрусевшими украинскими ренегатами» (Вышевич 1918: 17). Таким образом, украинский национализм в современном понимании слова, долгое время культивировавшийся под присмотром австрийских властей, к завершению Первой мировой войны окончательно оформился как политическая доктрина и приобрел необходимый идеологический и организационный опыт.

Некоторые выводы

Итак, нужно подчеркнуть несколько ключевых моментов. Во-первых, этнополитическая структура Австро-Венгрии отражала и соответственно во многом обуславливала специфическую систему национальных взаимоотношений народов Габсбургской монархии. Одна из существенных особенностей, с которой правительству приходилось считаться, заключалась в сравнительной малочисленности в империи титульного национального – немецкого – элемента, насчитывавшего всего лишь порядка четверти населения. По некоторым оценкам, уже в середине XIX в. славяне составляли 46 % населения Австрийской империи (Tebeldi 1848: 5).

Во-вторых, на фоне противоборства с Россией австрийское правительство продолжило применять в стремительно меняющейся политической ситуации ту же практику сдерживания одним народом империи другого на восточной границе империи, то есть практику, существовавшую на протяжении длительного времени и по-

казавшую себя не с лучшей стороны. В идеологические эксперименты были вовлечены русины (украинцы) и поляки, которые на основе издавна существовавших взаимных этнокультурных и территориальных претензий сталкивались между собой. Помимо этого главным раздражителем ситуации была объявлена Россия, якобы стремившаяся подавить национальные устремления и тех и других. Вена едва ли предполагала, что ее политика по укреплению взаимной неприязни поляков и украинцев может принять совершенно незапланированные формы, вылившись в польский террор по отношению к украинцам в ходе польско-украинской войны 1918–1919 гг., а еще через четверть века – в Волынскую резню, массовые убийства украинскими националистами этнических поляков.

В-третьих, сформированный и многократно закрепленный австрийской государственной пропагандой образ России как вечного недоброжелателя и противника Украины сыграл значительную роль в том, что украинский национализм, зачастую принимавший крайние формы шовинизма, но в целом характерный и типичный для общественного дискурса середины – второй половины XIX в., за очень короткое время трансформировался в весьма агрессивную идеологию. При этом если раньше, в условиях австрийского конституционного универсализма, попытки выйти за его пределы еще ограничивались собственными опасениями в легитимности тех или иных последствий национального движения (как отмечал Эрик Хобсбаум, в 1846 г. галицийские крестьяне убивали польскую знать, но оставались верными подданными императора, см.: Anderson 1983: 77), то в быстро меняющихся политических условиях такого рода ограничения исчезали. Любопытно, что поддерживавшая украинских националистов Австрия впоследствии расценивалась ими наравне с Россией как оккупант (Syngalewycz 1919: 2). Похожая литература, к слову, появилась и в России после Февральской революции 1917 г. и исчезновения цензурных препятствий. Как указывал украинский общественный деятель П. Я. Стебницкий, при Богдане Хмельницком, то есть до объединения с Россией, Украина была «фактически суверенным государством» (Стебницкий 1917: 7), и государство это было чуждо «московского бюрократического централизма», так как уже тогда отличалось преемственностью по отношению к древнерусской вечевой демократии (Там же: 10). Галиция же стала родиной украинского национализма неслучайно –

там «нашли себе исход творческие силы украинского народа» (Стебницкий 1917: 26).

Спустя короткое время идеи об Украине как «окраине цивилизованной Европы» (Mirtchuk 1941: 58) станут решающими для оформления граничащей с фашизмом идеологии Организации украинских националистов (ОУН), которую возглавят два уроженца Галиции из последнего предвоенного поколения – Степан Бандера (родился в 1909 г.) и Ярослав Стецько (родился в 1912 г.).

Литература

- Вістник** Союза Визволення України. Ч. 138. 1917.
- Вышевич, К.** 1918. *Украинский вопрос, Россия и Антанта*. Гельсингфорс.
- Галичина**, Буковина, Угорская Русь. М.: Задруга, 1915.
- Грушевский, М. С.** 2001. *Иллюстрированная история Украины*. М.
- Когут, Л.** 1910. *Як жив український народ*. Чернівці.
- Кулінич, І. М.** 1963. *Україна в загарбницьких планах німецького імперіалізму (1900–1914 рр.)*. Київ.
- Маркевич, І.** 1875. *Коротка історія малорусского народа*. Львів.
- Ронге, М.** 1939. *Разведка и контрразведка*. М.
- Росія** як азійска держава. *Вістник Союза Визволення України*. 1917. Ч. 136.
- Рудницький, С. Л.** 1914. *Коротка географія України*. Львів.
- Стебницкий, П. Я.** 1917. *Украина и украинцы*. Петроград.
- Травин, Д., Маргання, О.** 2004. *Европейская модернизация: в 2 т. Т. 1*. М.: АСТ.
- Тютчев, Ф. И.** 2005. Письмо А. И. Георгиевскому от 26 июня 1866 г. В: Тютчев, Ф. И., *Полное собрание сочинений: в 6 т. Т. 6*. М.: Классика.
- Цегельський, Л.** 1916. *Русь – Україна а Московщина – Росія*. Царгород.
- Шелухин, С.** 1914. *Немецкая колонизация*. Одесса.
- Шелухін, С.** 1921. *Назва України*. Відень.
- Щёголев, С. Н.** 1912. *Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма*. Киев.
- Яворський, М. І.** 1929. *Коротка історія України*. Харків.

- Ambrózy, S.** 1916. *Ukrainisches*. Tana (Komitat Vas).
- Anderson, B.** 1983. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London.
- Barwinskyj, A.** 1916. Die Politischen und Kulturellen Beziehungen der Ukrainer zu Westeuropa. In: *Die Ukraine. Kriegspolitische Einzelschriften*. H. 12. Berlin.
- Cehelskyj, L.** 1915. *Der Krieg, die Ukraina und die Balkanstaaten: Nicht ein Befreier, sondern ein Unterdrücker der Völker*. Wien.
- Choma-Dowski, V.** 1916. *Ukrajina i ukrajinci*. Zagreb.
- Der Weltkrieg** und das ukrainische Problem: ein Beitrag zur Aufklärung der gegenwärtigen politischen Lage. Berlin: Kroll, 1915.
- Denkschrift** der ruthenischen Nation in Galizien zur Aufklärung ihrer Verhältnisse. Lemberg, 1848.
- Die ruthenische Sprach- und Schriftfrage** in Galizien. Lemberg, 1861.
- Donzow, D.** 1915. *Die ukrainische Staatsidee und der Krieg gegen Rußland*. Berlin.
- Engel, J. Ch.** 1796. *Geschichte der Ukraine und der ukrainischen Kosaken*. Halle.
- Jacobsohn, H.** 1916. *Russlands Entwicklung und die ukrainische Frage*. Cassel.
- Kessler, O.** 1916. *Die Ukraine. Beiträge zur Geschichte, Kultur und Volkswirtschaft*. München.
- Kohl, J. G.** 1841. *Reise im Inneren von Rußland und Polen. Die Ukraine. Kleinrußland*. Th. 2. Dresden; Leipzig.
- Lozynsky, M.** 1915. *Die Schaffung einer ukrainischen Provinz in Oesterreich*. Berlin.
- Magocsi, P. R.** 2002. *The Roots of Ukrainian nationalism: Galicia as Ukraine's Piedmont*. Toronto.
- Mirtchuk, J.** 1941. *Handbuch der Ukraine*. Leipzig.
- Ostwald, P.** 1916. *Die Ukraine und die ukrainische Bewegung*. Essen.
- Polnische** Russophilen und Massenverhaftungen staatstreuer Ukrainer in Galizien. Berlin: Carl Kroll, 1915.
- Puluj, J.** 1915. *Ukraina und ihre internationale politische Bedeutung*. Prag.
- Rudnickyj, S.** 1918. *Ukraine, the Land and its People*. New York.

- Ruthenische Revue** 1. 1903.
Ruthenische Revue 20. 1904.
- Seton-Watson, H.** 1967. *Eastern Europe between the Wars 1918–1941*. New York.
- Schmidt, A.**
1914. Die russische Sphinx. *Der deutsche Krieg* 6. Stuttgart; Berlin.
1939. *Ukraine. Land der Zukunft*. Berlin.
- Schuselka, F.** 1849. *Deutsch oder Russisch?* Wien.
- Shelukhyn, S.** 1919. *Ukraine, Poland and Russia and the right of the free disposition of the peoples*. Washington.
- Subtelny, O.** 1988. *Ukraine: A History*. Toronto.
- Syngalewycz, W.** 1919. *The Ukrainians and the War*. Vienna.
- Taylor, A. J. P.** 1942. *The Habsburg Monarchy. A History of the Austrian Empire and Austria-Hungary*. London.
- Tebeldi, A.** 1848. *Die Slawen im Kaiserthume Oestreich*. Wien.
- The Problem** of Eastern Galicia. 1920. [S. 1].
- The Ukraine.** Handbook prepared under the Direction of the Historical Section of the Foreign Office. London, 1920.
- Ukraine.** Land, Volk, Geschichte, Kultur, Wirtschaft, Politik. Berlin: Ukrain. National Vereinigg, 1938.
- Ukraine** on the Road to Freedom. 1919. New York: Ukraini an National Commitee.
- Ukrainische Phantasien.** 1918. Wien.
- Ukrainishe Rundschau** 1. 1908.
- Vowles, H. P.** 1939. *Ukraine and its People*. London.
- Wilson, A.** 1997. *Ukrainian Nationalism in the 1990s: a Minority Faith*. Cambridge.
- Архивы.**
АВПРИ – Архив внешней политики Российской Империи.
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.